

DATIVUS ETHICUS В АЛБАНСКОМ ЭПИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (некоторые наблюдения)

В статье рассматривается употребление дательного этического в языке североалбанского героического эпоса. Названы некоторые наиболее типичные позиции появления его в эпическом нарративе. Функцию *dativus ethicus* предлагается рассматривать как маркер прямой эвиденциальности в противоположность функции косвенной эвиденциальности, свойственной формам албанского инвертированного перфекта.

Ключевые слова: эпос, албанский, дательный этический, эвиденциальность, адмиратив, повествователь, нарратор.

Албанские героические песни, воспевающие воинственные похождения братьев Муйо и Халиля и их дружины, а также других легендарных героев, отражают быт и идеологию позднеродового албанского общества. Основные темы албанского эпоса – это битвы и поединки, сватовство и похищение женщин, месть за брата, захваты в плен, страдания в плену и освобождение пленников. Представлена тема смерти богатыря и его юного сына. Несколько песен посвящены теме отношений героев с мифическими существами – занами и орами.

Эпические тексты сочетают речь повествователя (или «авторскую»), которая ведется от 3-го лица, и речь персонажей (или «чужую»), т. е. прямую речь героев. В количественном отношении для албанского эпоса в целом характерно небольшое превышение доли авторской речи по сравнению с долей прямой речи героев, последняя составляет в среднем $\approx 44\%$ общего текста песни.

Авторская речь может быть речью типа «описание» и типа «повествование», речи героев – это монологи и диалоги разной стилистической окрашенности. Но за всей этой сложной конструкцией стоит главная фигура, это речевой субъект, повествователь или рассказчик, в современной терминологии – нарратор. Сигналы присутствия нарратора в эпическом произведении весьма разнообразны и включают как косвенное, так и прямое (от первого лица) выражение его позиции.

К числу первых относятся такие средства субъективно-модальной оценки, как восклицательные и вопросительные пред-

ложения, модальные слова и частицы, дискурсивные слова типа русск. *вот* и др.

Среди вторых назовем предложения императивной семантики, дательный этический, а также перволичные предложения в зачинах и концовках.

В настоящей статье рассматривается роль дательного этического в построении повествовательного текста нарратора (использование его в речах героев носит принципиально иной характер).

Дательный этический (*dativus ethicus*), называемый также дательным экспрессивным, дательным нравственного участия, хорошо известен на материале разных европейских языков. Этот падеж лексически ограничен, он выражается только формой личных местоимений. Дательный этический включает в предложение, описывающее некоторую ситуацию, некое лицо, обычно участника речевого акта (т. е. участника коммуникативной ситуации), и тем самым делает это лицо причастным к описываемой ситуации, к которой оно в действительности не имеет отношения в том смысле, что не является ее участником (Кустова 2012). Конструкции с дательным этическим характерны, прежде всего, для разговорной речи, для диалогов, где это обычно *dativus ethicus* 1 и 2 лица местоимения, т. е. *dat.eth.* говорящего (адресанта) и *dat.eth.* слушающего (адресата), указывающие на участников коммуникативной ситуации. Такой дательный повышает экспрессивность речи и употребляется для выражения позиции говорящего, передавая его эмоциональную реакцию и моральную оценку сообщаемой информации. Так, например, *dativus ethicus* 1 лица может иметь значение угрозы (*Поговори мне ещё!*), иронии (*Тоже мне герой нашелся!*) и др., *dativus ethicus* 2 лица часто используется для усиления воздействия на адресата (*Я тебе покурю!*, *Как я тебе на работу устроюсь без образования?*) (примеры взяты из работ Кустова 2012 и Машовец 2000). Эмоционально-прагматическая семантика дательного этического (одобрение, неодобрение, несогласие) отмечена и для балкано-славянских языков: болгарского, македонского, сербского, при этом в македонском добавляется значение интимизации и задушевности высказывания, а в сербском – усиление его категоричности (Иванова Петрова 2014; Тошович 2006).

Являясь экспрессивным средством языка, *dat.eth.* несет четко выраженную положительную или (чаще) отрицательную коннотацию (Машовец 2000), однако предсказать его появление

в речи невозможно ни семантически, ни формально (Mollica 2014). В художественных произведениях конструкции с *dat.eth.* являются одним из способов имитации разговорной речи (Машовец 2000; Mollica 2014).

В албанском языке личные местоимения в дательном и винительном падежах имеют, наряду с полными формами, еще и так называемы краткие формы: *mua – më* ‘мне’, *ty – të* ‘тебе’, *asaj – i* ‘ей’, *atij – i* ‘ему’, *neve – na* ‘нам’, *juve – ju* ‘вам’, *atyre – u* ‘им’. Краткое местоимение всегда занимает позицию непосредственно перед глагольной формой – *i tha* ‘он(а) ему/ей сказал’. Если в предложении встречаются краткое местоимение в дательном падеже и краткое местоимение в винительном падеже, происходит их слияние – *ialja* (из *i + e*) *tha* ‘он(а) ему/ей это сказал(а)’.

Именно краткие формы личных местоимений в дательном падеже выступают в албанском языке не только для выполнения своей основной синтаксической задачи – обозначать не прямое дополнение, например, адресата речи, но и в функции дательного этического. Отмечается, что в разговорном албанском языке эти формы служат «для выражения эмоциональной позиции говорящего» (Gramatika 1976: 190), обозначают некое «заинтересованное» лицо, эмоционально причастное событию (Buchholz Fiedler 1987: 219), употребляются для создания «живости изложения» (Gramatika 2002: 258). Высокая частотность дательного этического в разговорной речи нашла отражение в толковых словарях албанского языка, так, отмечено, что *dativus ethicus* 1 л. ед. ч. *më* указывает на «близкую и доброжелательную позицию говорящего в отношении того, о чем ведется речь», а *dativus ethicus* 1 л. мн. ч. *na* служит также и для усиления выразительности речи или выражения иронии (Fjalor 1981).

В фольклорных текстах *dativus ethicus* способен делать «рассказчика как бы соучастником или свидетелем повествования» (Эйнтрей 1982: 63), т. е. помещать таким образом «говорящего “внутри текста”» (Цивьян 1984: 79). Дательный этический в языке албанского эпоса определяется как «*dativus intimitatis, Dat.der Anteilnahme*» (Lambertz 1955: 76).

Названная выше сопричастность говорящего к описываемой им ситуации связана, видимо, с особым аспектом посессивности в конструкциях с *dat.eth.* в балканских языках, на который обратила внимание Т. В. Цивьян (Цивьян 1984). В албанских, болгарских и румынских эпических текстах *dat.eth.* «либо

достаточно легко трансформируется в *pron. poss.*, < ... >, либо очерчивает некий «круг владения», точнее, указывает на «интенциональность» присвоения (Цивьян 1984: 82). С учетом этого важного положения обратимся к албанскому материалу.

В языке албанского эпоса представлен, прежде всего, дательный этический 1 лица ед. числа, т. е. *dativus ethicus* говорящего, и (в небольшом количестве примеров) *dativus ethicus* 1 лица мн. числа, семантика которого включает и говорящего; случаи использования *dativus ethicus* 2 лица ед. числа единичны¹.

Уже при первом взгляде на тексты можно заметить, что дательный этический представлен в языке албанского эпоса весьма неравномерно, это видно из сравнения как разных песен между собой, так и частей одной песни.

Из общего количества 100 песен более половины – 52 песни – имеют в своем составе до 10 примеров *dat.eth.*, в 19 песнях их количество колеблется от 10 до 30 примеров, в 10 песнях – свыше 30 случаев употребления. Максимальное количество *dat.eth.* – 90 примеров – содержится в песне № 9 (412 стихов). Примерно десятая часть песен не содержит вообще ни одного случая употребления дательного этического. При этом частота его употребления не зависит от размера песни, так, примерно одинаковое количество – по 20–22 примеров – содержат песни, значительно различающиеся по своему объему: № 4 – 674 стиха, № 16 – 190 стихов, № 28 – 131 стих, № 37 – 346 стихов. Отметим, что средний размер песен – 200–300 стихов.

Напротив, в составе одной песни распределение дательного этического демонстрирует четкую зависимость от того, кому принадлежит текст – нарратору или персонажу. Выше было отмечено, что эти два вида текстов в албанском эпосе в количественном отношении сопоставимы, хотя и с небольшим преобладанием повествования над прямой речью героев. Материал показывает, что *dativus ethicus* в тексте нарратора употребляется в несколько раз чаще, чем в речах героев, ср. соотношение в песнях № 4 – 16/6, № 9 – 76/14, № 16 – 17/3, № 28 – 18/3.

¹ Материалом исследования послужили тексты североалбанских героических песен, опубликованные в серии *Folklor shqiptar – “Epika legjendare (Cikli i kreshnikëve)”*, Tiranë, 1966. При цитировании примеров используется название *Epika* с указанием в скобках номеров песни и стиха соответственно.

В рамках эпического произведения повествовательный текст нарратора и тексты диалогов и монологов героев – это две разные языковые стихии, граница между которыми в большинстве случаев четко маркирована. Функционирование, а в некотором отношении и состав форм дательного этического различаются в этих двух составляющих албанского эпоса.

Распределение по глагольным временам. Все события, о которых идет речь в эпосе, относятся к неопределенному периоду прошлого вне связи с настоящим, что влияет на грамматическую семантику соответствующих глагольных форм, а именно, относительные времена употребляются как абсолютные, а формы презенса – как формы настоящего исторического. Повествование об эпических событиях ведется в рассматриваемых текстах с использованием форм индикатива – исторического презенса, имперфекта, аориста, исторического перфекта и плюсквамперфекта, а также форм особой категории – эвиденциальности, в албанских грамматиках традиционно называемой адмиративом. В отдельных эпических произведениях или их частях наблюдается преимущественное употребление либо аориста (наряду с имперфектом и настоящим историческим), либо исторического перфекта (наряду с плюсквамперфектом в абсолютном употреблении и настоящим историческим). Эти два неравнозначных в стилистическом плане типа повествования соответствуют различию между констатацией факта и «показом» события. В албанской эпической поэзии тип повествования, ведущийся с использованием исторического перфекта, плюсквамперфекта и исторического настоящего, занимает господствующее положение (Сытов 1976: 223).

Формы албанского инвертированного перфекта (адмиратива) также выступают в албанском эпосе в качестве нарративного времени и характеризуются особым их стилистическим использованием. Отмечается употребление (ад)миратива в составе многочисленных формул, а также его эмфатическое употребление в повествовании для выделения и подчеркивания особо важных моментов (Десницкая 1986: 39–40). Рассматривая эвиденциальность как семантическую категорию дистанцирования говорящего от источника информации, М. М. Макарец показал, что в фольклорном тексте эвиденциалы выступают в роли маркера, выделяют границы между эпизодами и появляются в ключевых точках структуры текста (Макарец 2014: 284, 325).

Со всеми этими глагольными временами албанского эпоса зафиксировано употребление форм дательного этического, но его распределение по названным выше типам повествования оказывается чрезвычайно показательным. Строго говоря, – это распределение не по типам повествования, поскольку они жестко не отграничены один от другого, а по глагольным временам.

Всего в рассматриваемом материале (напомним – только в тексте нарратора) найдено 875 примеров дательного этического. Из этого количества 803 случая употребления приходится именно на такое повествование, которое ориентировано на «показ» события, а именно, *dativus ethicus* выступает с формами исторического перфекта – 530 примеров, исторического презенса – 186 примеров, плюсквамперфекта – 87 примеров. С другими глагольными формами *dativus ethicus* встречается гораздо реже – с имперфектом 25 примеров, с аористом 17, с адмиративом 25 примеров.

Мы видим, что дательный этический почти не сочетается ни с аористом, классическим временем повествования, ни с адмиративом, взявшим на себя функцию нарративного времени в албанском эпосе. Объяснение последнему будет предложено ниже, но уже сейчас можно отметить, что такое распределение не может быть случайным, оно явно свидетельствует об определенной закономерности в использовании дательного этического.

Распределение по лексико-грамматическим группам. Как и в случае с глагольными временами, картина распределения дательного этического по отдельным группам глаголов весьма красноречива. Полученные 875 примеров охватывают список в 163 единицы, частота употребления которых различается в десятки раз.

В группе глаголов речи, включающей 18 лексических единиц, обнаруживаются 140 случаев употребления дательного этического. Наиболее частотным здесь оказывается глагол *them* ‘говорить’ – 76 примеров, достаточно частотны глаголы *thirr* ‘кричать; звать’ – 21 пример, а также *bërtas* ‘кричать’ – 11 примеров и *pyes* ‘спрашивать’ – 10 примеров. Остальные глаголы этой группы зафиксированы в единичных случаях.

Вторая большая группа – это глаголы движения и перемещения в пространстве с включением такого значения, как ‘сесть на коня/вскочить на коня’. С глаголами этой группы найдено около 150 примеров с дательным этическим. Наиболее частот-

ны глаголы *bie* ‘падать; ударять; идти, пересекать’ – 56 примеров, *dal* ‘выходить’ – 25 примеров, *shkoj* ‘идти; уходить’ – 20 примеров, *çohem* ‘вставать, подниматься’ – 18 примеров, *kcej* ‘прыгать, скакать’ – 16 примеров, *hup* ‘всходить, подниматься’ – 12 примеров.

Группа глаголов, обозначающих различные виды деятельности человека, *vë* ‘класть, ставить’ – 21 пример, *shtie* ‘класть, втыкать’ – 20 примеров, *nxfjerr* ‘извлекать, вынимать’ – 12 примеров, *gjej* ‘находить’ – 20 примеров, *pres* ‘резать’ – 8 примеров, *çel* ‘открывать’ – 8 примеров и др.

Несколько глаголов, обозначающих снаряжение героя в поход: *vesh* ‘надевать’ – 12 примеров, *ngjesh* ‘опоясывать’ – 6 примеров, *mbath* ‘обувать’ – 5 примеров, *shiloi* ‘седлать’ – 4 примера, *shterngohem* ‘затягиваться’ – 3 примера.

Глаголы зрительного и слухового восприятия: *shoh* ‘видеть’ – 14 примеров, *ndiej* ‘слышать’ – 7 примеров, *kqyr* ‘смотреть’ – 4 примера, *shikoi* ‘(о)смотреть’ – 4 примера, *(n)digjoj* ‘слышать’ – 4 примера.

Отметим, что из всех перечисленных групп именно первые две обнаруживают своеобразную количественную корреляцию с глаголами, выступающими в формах эвиденциальности. Так, например, отмечено, что в эпических песнях формы албанского инвертированного перфекта часто употребляются в составе повторяющихся формул, обозначающих вступление героя в активный процесс действия, а также вводящих прямую речь (Десницкая 1986: 39–40). В албанских версиях «Баллады о мертвом брате» и глаголы движения, и глаголы речи, обозначающие наиболее важные с точки зрения сюжета события, выделяются при помощи косвенных эвиденциалов (Макарцев 2014: 249).

Несколько слов надо сказать о глаголах *jam* ‘быть’ и *kam* ‘иметь’. Их употребление отличается от употребления других глаголов в эпическом тексте, – в конструкции с дательным этическим они выступают чаще именно в речи персонажей, а не в тексте нарратора, соотношение 8/10 и 12/15 соответственно. Причины этого кроются в особенностях употребления дательного этического в разговорной речи, но рассмотрение этого вопроса не входит в наши задачи.

Варианты конструкций с дательным этическим. Материал эпоса дает разные виды сочетаний *dat.eth.* с глаголами, что обусловлено семантикой последних. Мы предлагаем различать

четыре типа: I – при глаголе имеется только *dat.eth.*, II – при глаголе два непрямых дополнения: *dat.eth.* + краткое местоимение 3 л. ед. или мн. числа в дательном падеже (т. е. обязательный актанта), III – при глаголе употреблен *dat.eth.* в сочетании с краткой формой местоимения 3 л. ед. или мн. числа в винительном падеже (обязательный актанта); IV – при глаголе употреблен *dat.eth.* в сочетании с двумя актантами.

Структурно это выглядит так:

I. *dat.eth.* + Vb.

II. *dat.eth.* + *pr. dat.* + Vb.

III. *dat.eth.* + *pr. acc.* + Vb.

IV. *dat.eth.* + *pr. dat.* + *pr. acc.* + Vb.

Употребление. Выше было отмечено, что албанский эпический текст – это аукториальное повествование, т. е. повествование, в котором события описываются как бы со стороны, а нарратор никак не обозначен, он находится вне внутреннего мира текста как экзегетический повествователь. В случаях, когда повествователь эксплицитно выражен с помощью дательного этического, меняется характер повествования, из бесстрастно объективного текст становится более субъективным, повествование переходит в режим рассказа, повествователь становится рассказчиком. В ипостаси рассказчика повествователь «либо рассказывает свою собственную историю, либо описывает события, которые он сам наблюдал» (Падучева 1996: 205), т. е., добавим, был их свидетелем.

Такого типа «нарушения» повествовательной нормы – появление повествовательной формы от первого лица в авторском повествовании – неоднократно наблюдаются в рамках албанского эпического текста. К числу таких форм можно отнести, наряду с дательным этическим 1 лица ед. числа, восклицательные предложения с императивным предикатом и риторические вопросы. Такие вставки в нарративное повествование (восклицания и вопросы) широко используются в албанском эпическом тексте.

Конструкции с дательным этическим появляются в определенных типических местах, обычно значимых и отмеченных как бы «свидетельским показанием»).

Позиция нарратора явно проявляется в многочисленных восклицательных предложениях, выражающих оценку действий героев и их качеств или показывающих высшую степень проявления какого-то состояния (процесса).

Предикаты таких предложений могут выступать в форме любого из нарративных времен, в том числе эвиденциала, а также могут содержать *dat.eth.* Как правило, в них содержится наречие *sa* ‘сколько, насколько’, которое в сочетании с прилагательным или наречием служит для выражения превосходной степени. *Sa mirë krajli qi i ka pritë!* (1: 40) ‘Как хорошо краль их принял’; *Sa shpejt Muji kenka dredhë!* (перф. адмират.) (4: 170) ‘Как быстро Муйо обернулся’; *Sa bijë sojit ajo vasha ka qillue, / qysh ka qitë burrit e i ka thanë?* (72: 10–11) ‘Какая благородная эта девушка оказалась, / что она мужу изрекла и сказала?’; *Sa bi sojit vashen ma kish pasë!* (48: 87) ‘Какая благородная жена у него мне была (букв. Какую благородную девушку мне имел)’;

Такие высказывания, содержащие оценочную лексику, появляются обычно на стыке двух микротем, – они либо заканчивают, подытоживают одну тему, либо начинают другую, часто предваряя прямую речь героя.

Особый интерес для нас представляют те восклицания, которые характеризуют внутреннее эмоциональное или физическое состояние героя.

Sa fort Muja asht ngushtue! (1: 89) ‘Как сильно Муйо опечалился!’; *Sa fort Muja kenka lodhë!* (эвиденциал) (22: 176) ‘Как сильно Муйо расстроился (букв. устал)’; *Sa fort krajlat m’janë habitë* (36: 325) ‘Как сильно крали мне удивились’; *Sa fort Muji m’asht tërbua!* (4: 658) ‘Как сильно Муйо мне разъярился’; *Fort Halili m’asht frigue* (4: 200) ‘Сильно Халиль мне испугался’. *Sa keq krajlit m’i ka ardhë, / një sahat krajli nuk ka folë!* (22: 45–46) ‘Как неприятно кралю мне стало, / целый час краль не разговаривал’; *Sa mire Lules i paska ramë!* (эвиденциал) (48: 101) ‘Как приятно стало Люли’.

Для выражения позиции нарратора здесь используются разные средства, – помимо лексических элементов, мы видим и формы эвиденциала, и дательный этический.

Аналогичную структурную функцию выполняют высказывания нарратора, содержащие форму императива глаголов *kqyr* ‘смотреть’ или (реже) *shoh* ‘видеть, смотреть’. Рассказчик призывает слушателя обратить внимание на особо важное или неожиданное событие, на поворот в развитии действия. *Mbasi dark-e krushqit qi kanë hangë, / kqyr çka bani Aga Hasan Aga! / M’i ka marr-e dajret në dorë, / e shum dajre krushqve po m’u ban. / Të tanë krushqit fort-e janë çuditë, / dajre t’mira beli m’u ka qitë* (46: 84–89) ‘Когда гости поужинали, / смотри, что сделал Ага

Хасан Ага! / Взял мне в руки бубен, / и много гостям на бубне играет. / Все гости сильно удивились, / такие хорошие бубны мне им показал'; *Kqyr me pa at Sokole Halilin! / Kenka dredhë* (эвиденциал) *n'puntorë paska ra* (эвиденциал), */ e ka xierrë shpatën si hata, / ja fillon e n'qafë tuj m'u ra, / dyqind burra tanë ky pre m'i ka* (45: 290–294) 'Посмотри (букв. взгляни посмотреть) на этого Соколя Халиля! / Он повернулся и к работникам подъехал, / и вытащил меч ужасно, / и начинает мне их задевать, / всех двести мужей он мне их зарезал'.

Такие прямые призывы нарратора служат одним из способов структурирования текста, и одновременно они помогают поддерживать внимание слушателя. Как видно из приведенных примеров, следующий за призывом фрагмент текста может содержать как формы эвиденциала, так и конструкции с *dat.eth.*

Рассмотрим теперь некоторые наиболее типичные случаи употребления конструкций с дательным этическим в албанских эпических текстах. Строго говоря, если *dativus ethicus* обозначает лицо, которое было свидетелем всех описываемых событий, то оно могло бы появиться в любой момент повествования. Мы видим, однако, некоторую «пристрастность». Сопричастность рассказчика проявляется чаще при описании наиболее типичных моментов эпического действия.

Дательный этический в зачинах. Дательный этический может появляться уже в самом начале песни, в ее зачине. Таковы, например, зачины, описывающие типичную ситуацию утреннего подъема героев: *Kur m'ish kenë Muji e Halili, / m'ishin çua natje heret, / m'ishin veshë e m'ishin mbathë, / m'i kanë pjekë kafet me sheqerr* (77: 1–4) 'Когда был мне Муйи и Халиль, / встали мне рано утром, / оделись мне и обулись мне, / сварили мне кофе с сахаром'. Аналогичные зачины с некоторыми вариациями повторяются в (6: 3–6), (26: 4–8), (44: 3–6), (72: 5), (74: 5), (75: 3–8).

Первые четыре дательных этических употреблены здесь при глаголах, которые являются одновалентными, и дативный актант вступает в определенное противоречие с их лексической семантикой (тип *dat.eth.* + *Vb.*, при глаголе, имеющем бытийное или рефлексивное значение).

Понятно, что герои совершают свои действия – встают, одеваются, обуваются и варят кофе – для себя, а не для некоего лица, обозначенного дательным этическим. Это лицо лишь повествует о героях и их действиях, но повествует не эпически

бесстрастно, а проявляя свое субъективное, и явно доброе, отношение к ним.

Как отмечает Т. В. Цивьян, *dativus ethicus* зачинах типа *N'natje heret Muja si m'â çie* 'На рассвете рано Муйо мне проснулся' может быть трансформирован в *prop. poss.* «мой Муйо», что с неизбежностью влечет за собой значение положительного отношения к объекту (Цивьян 1984: 82, 83). Некоторый аналог такому дательному этическому можно видеть в русских нарративах, содержащих сочетание «у меня» – *Был у меня друг. Жил он у меня на соседней улице.*

В приведенном выше зачине имеем сразу пять *dativus ethicus*, такое их скопление создает определенную тональность и вектор повествования, – повествование пойдет о близких рассказчику людях, которые живут и действуют в знакомой и милой ему среде. Отметим, что в этой короткой песне (всего 88 стихов) имеем 31 пример употребления дательного этического и ни одной формы эвиденциальности.

Дательный этический с глаголами речи. Одна из главных функций глаголов речи в албанском эпическом тексте – вводить прямую речь героев. Речи героев – это не просто некоторая остановка в развитии сюжета или ретардация, очень часто в них формулируются причины или объясняется (мотивируется) необходимость последующих действий. Именно поэтому введение прямой речи всегда четко маркировано, на это часто специально обращается внимание слушающего: *Kqyre Muja atherë shka u ka thanë* (7: 24) 'Посмотри, Муйо тогда что им сказал'; *Kqyr e ama djalit çka i ka thanë!* (18: 59) 'Посмотри, мать сыну что сказала!'; *Prit çka i thotë Arnaut Osmani* (32: 44) 'Вот (букв. принимай) что сказал Арнаут Османи!'; *Quqja Mujit çka i ka thanë?* (35: 66) 'Кукушка что сказала Муйо?', примеры можно многократно продолжать. В этих предложениях говорящий в роли рассказчика обращается непосредственно к слушателю, к адресату, дательный этический в них отсутствует.

В албанском языке при глаголах речи адресат, как правило, называется, – это дательный имени или местоимения. В эпическом тексте наличие одного дательного при глаголе речи не является препятствием появления при нем еще и дательного этического: *m'i tha* 'мне ему сказал(а)'. Теоретически, если говорящий позиционирует себя как свидетеля каких-то событий, то он вполне мог бы быть и адресатом прямой речи героев. В

этом случае для слушателя повышается достоверность сообщаемой в речах информации.

В эпических текстах глагол *them* чаще других употребляется для ввода прямой речи персонажей, обычно выступая при этом не как отдельная лексическая единица, но в составе высокочастотного формульного выражения *qet* ‘вынимаю’ + *e* ‘и’ + *them* ‘говорю’.

В составе этой формулы равно возможны как наличие дательного этического, так и его отсутствие. Так, в песне № 9 “Gjogu i Mujit” («Конь [богатыря] Муйо») на 20 примеров употребления данного оборота всего лишь один пример, содержащий *dativus ethicus*, при этом ничем не выделяющийся из остальных и не поддающийся какому-либо мотивированному объяснению. Напротив, в песне № 47 “Deka e Dezdar Osman Agës” («Смерть Дездара Османа ага») 7 из 8 случаев ввода прямой речи содержат *dativus ethicus*, при этом 5 из них в составе данного оборота: *Se ç'ka qitë motra e m'i kish thanë* (47: 31) ‘Что вынула сестра и мне ему сказала’, а также примеры (47: 6, 37, 39, 42).

В ряде песен наблюдается попеременное использование конструкций содержащих и не содержащих *dativus ethicus* в отношении одних и тех же персонажей и в одних и тех же позициях. Так, в песне № 75 “Ali Bajraktari” («Али Байрактар») данный оборот употреблен 15 раз, из которых 7 примеров с дательным этическим и 8 – без него. При обращении сына к матери возможно как *E ç'ka qitë s'amës i ka thanë?* (75:15), так и *Edhe s'amës ç'ka qitë e na i ka thanë?* (75:124) ‘Что изрек (букв. вынул) он и сказал нам матери?’. Аналогично и при обращении матери к сыну: *E ç'ka qitë njaty e na i ka thanë?* (75: 42) *E ç'ka qitë e ama e i ka thanë?* (75: 136) ‘И что изрекла (букв. вынула) она тут и ему нам сказала?’.

Отсутствие видимых контекстуально обусловленных мотивов предпочтения того или иного варианта побуждает нас искать объяснение на каком-то ином уровне, о чем скажем ниже. Укажем здесь только на возможную связь использования дательного этического с общим характером эпического произведения, его сюжетом и тональностью, – идет ли в нем речь о боевых приключениях, удачных похищениях и под., которыми рассказчик приглашает нас полюбоваться, или повествуется о трагической судьбе и гибели героев, к которым рассказчик эмоционально явно причастен. Так, названная выше песня № 47 «Смерть Дездара Османа ага» отличается высоким процентом

употребления *dat.eth.*, – 31 пример *dat.eth.* на 80 стихов! В песне повествуется о трагической гибели богатыря Дездара и его сестры, которая кровью своей помечала путь к источнику, но воды принести своему брату все равно не успела. Синтаксическим строем и тональностью эта песня напоминает плач по умершему, а все это событие явно вызывает у рассказчика чувство сопереживания.

Эмоциональная сопричастность говорящего заметна в высказываниях, содержащих квалификаторы действия говорения. Как правило, такие квалификаторы выступают при глаголах речи с осложненной семантикой, которые не просто вводят прямую речь героя, но и характеризуют его состояние и поведение.

Вот Халиль перед опасным мероприятием *sa me t'ambël gjogun po ma merr* (24: 234) ‘как ласково к коню он мне подступает’; вот взбешенный похищением у него дочери герой *me turr m'i ka folun* (24: 283) ‘с напором [жене] ей мне сказал’; Диздар, озабоченный трудным разговором в драматической ситуации, *Mbarë e mbarë kuvendin ma ka fillue* (24: 105) ‘исподволь беседу мне начал’; Муйо, сраженный известием о похищении его сестры, три часа сидел в оцепенении, но услышал призыв Соколя и *Njatherë Muji dorën ballit e ka ulë, / sytë si rrfeja Sokolit ja ka ngulë, / fort te madhe t'dyve m'u asht gërmue, / betë në zotin trimi u ka ba* (15: 94–97) ‘Тогда Муйо руку ото лба опустил, / глаза подобные молнии на Соколя устремил, / очень громко им обоим мне грозно сказал, / божью клятву храбрец им принес’; мать юного Омера, предчувствуя его гибель, *Ve në zotin Mujit m'i ka ba: / – Aman, Mujo, djalin ç'ma ke ba?* (31: 23–24) ‘богом Муйо мне заклинала: / – Умоляю, Муйо, с сыном моим что ты сделал?’.

То, что дательный этический часто сопровождает именно глаголы речи, может объясняться несколькими факторами. Во-первых, важностью этих глаголов для структурирования эпического текста. Все случаи появления прямой речи героев, как уже отмечалось, обязательно маркируются, и в подавляющем большинстве случаев для этого используются глаголы речи. Вторая, не менее важная, причина – семантика этих глаголов, связанная с категорией эвиденциальности. Для подтверждения достоверности вводимой информации говорящий позиционирует себя как одного из ее получателей.

Дательный этический после kqur. Выше было отмечено, что восклицательные (императивные) и вопросительные (рито-

рические) предложения вводят в повествование указание на новые важные события, определяющие развитие эпического действия. Части текста, введенного с помощью *kqyr shka bani* 'посмотри, что сделал(а)', описывают некоторую микроситуацию и содержат обычно дательный этический.

В содержательном плане эти микроситуации весьма разнообразны, в них могут описываться такие действия, как, например:

оповещение дружинников: Kqyr çka bani Gjeto Basho Muji! / Tha, m'ka hype n'beden të kullës, / e ka shprazë pushkën habertare, / ma ka ndie Jutbinë e Krahinë. (25: 123–126) 'Посмотри, что сделал Гето Башо Муйо! / Сказал, поднялся мне на стену башни, / разрядил ружье-вестник, / мне услышала это Ютбина и Краина'; ср. также (28: 11–14), (22: 384–387), (61: 24–28);

выезд богатыря на опасное дело: Kqyr çka bani aj Gjeto Basha Muja! / M'i ka marrë armët e gjuetarit, / asht veshë trimi e asht tebdilue, / e fill n'ato bjeshkë ka shkue; (90: 66–69) 'Смотри, что сделал Гето Башо Муйо! / Взял мне оружие охотничье, / оделся храбрец и замаскировался, / и прямо в эти горы поехал'; ср. также (65: 67–71);

победа над противником: Kqyr shka bani Sokol Halil Aga! / Pushkën në dorë djali e ka marrë, / mirë krajlit ja ka terezitë, / në shtek të ballit m'i ka ra, / dekun n'tokë krajlin e ka lanëe (61: 186–190) 'Смотри, что сделал Соколь Халиль Ага! / взял юноша в руку ружье, / хорошо в краля прицелился, / прямо в лоб мне ему попал, / мертвым на земле краля оставил';

хитрость девушки: Kqyr shka bani vashë Ngjelina! / Fort marak në Haliin ish ba / edhe çikat m'i ka rrejtë (61: 146–148) 'Погляди, что сделала девушка Нгелина! / Очень сильно в Халиля влюбилась / и девушек мне обманула';

начало поединка: Shif ç'ka bani Krajloviqe Marku! / Po ma hjek shpaten prej mellsije, / me dorë të djathtë shpatën ma ka rrokun, / e me dorë të shmajtë për dyzinash dorinë / e bythëprapë për drum po ma kthete (83: 41–45) 'Смотри, что сделал Кравлевич Марко! / Вытаскивает мне меч из ножен, / правой рукой меч мне схватил, / а левой рукой за узду гнедого / и на дорогу мне его поворачивает'.

Призывы повествователя «посмотреть, что делает герой» (т. е. повторяющиеся *Kqyr shka bani* и его варианты) не только оживляют изложение, но и делают использование дательного этического более уместным и выразительным. В этих случаях

создается впечатление, что действия героя происходили на глазах рассказчика.

Иной эффект возникает, если фрагменты эпического текста такого типа (с вводящим *Kqyr shka bani*) содержат формы эвиденциальности. В приводимом ниже примере рассказчик проявляет некоторую дистанцированность от повествуемых событий, и даже свое осуждение подготавливаемому бесчестному поступку («подумать только, что она сделала!», А. Ж.). *Qyr çka bani vasha për me ba! / Fill te krajli vasha kenka shkue, / gjithsesi krajlit i kish kallxue / e hiç za Mujit s'i kanë ba, / veçse nalt e paskan thirrë / edhe n'odë e paskan shti, / shum iqramë Mujit i paskan ba, / raki shum Mujit i paskan dhanë* (72: 111–118) 'Глянь, что сделала девушка! / Прямо к кралю девушка пошла, / все-все кралю рассказала / а Муйо совсем ничего не сказали, / только наверх его позвали / и в комнату его поместили, / много почестей Муйо оказали, / много ракии Муйо дали'.

Дательный этический в описании. Позиция рассказчика как наблюдателя явно проявляется и при описании статичных ситуаций, действия в которых ограничены пространственными и временными рамками, т. е. когда имеет место остановка в развитии сюжета.

Ситуация седлания коня (и описание его красоты): *Ka nisë nana gjogun me e shilue, / po m'ja ven shalën prej florinit / e m'ja ven bilanat telatinit / e m'ja ven frenin prej brishimit / e n'fund t'shkallve Zukut ja ka çue* (18: 99–103) 'Стала мать коня седлать, / кладет мне на него седло золотое / и кладет мне на него ремни нагрудные лаковые / и кладет мне на него удила шелковые / и к крыльцу Зуку его вывела'. Говорящий здесь явно любит дорогим убранством коня, и не потому, что это красивые вещи, но потому, что они входят в его «круг владения», по выражению Т. В. Цивьян. Ср. также аналогичный эффект, возникающий при описании лахуты (муз. инструмент, А. Ж.) в песне *Rrëmbimi i së shoqes së Mujit* (22: 326–329) («Похищение жены Муйо»).

Ситуация седлания коня достаточно часто повторяется в анализируемых песнях, но далеко не всегда она описывается с таким щедрым использованием *dat.eth.* Аналогичный текст может иметь иное оформление, а именно, *dat.eth.* появляется только в одном (чаще – в первом) стихе, а в последующих стихах он отсутствует. Так, в песне № 40 *Deli Mehmet Aga* («Удалой Мехмет Ага») дано очень красочное и подробное (занимающее

15 стихов!) описание подготовки героя к выезду, однако *dat.eth.* стоит только в первом стихе, открывающем это описание: *E ma njesh nji rryp të vjetër* (40: 30–44) ‘И подпоясывается мне старым ремнем’. Все остальные действия героя описываются без дательного этического – *e shilon sakate dorinë* ‘седлает хромого коня’, вместо седла *i ven nji thes të kmendë* ‘кладет на него мешок’, вместо ремня *nji konop me nej* ‘веревку с узлами’, узду изготовил *prej hardhisë* ‘из лозы виноградной’. Наличие дательного этического в первом стихе задает некий вектор, указывая на то, что герой принадлежит миру рассказчика, это «свой» богатырь. Но предметы снаряжения и детали убранства коня столь жалки и не эстетичны, что рассказчику не хотелось, видимо, быть сопричастником такого позора, да и любоваться тут нечем.

Дательный этический с глаголами неожиданного действия. В текстах имеются также примеры, в которых дательный этический явно указывает на присутствие рассказчика при описываемых событиях. Это имеет место в конструкциях типа *dat.eth.* + *Vb.*, где в семантике глагола содержится также сема ‘неожиданности’ действия. В эпосе такими глаголами выступают *ndodh* ‘случаться, происходить’ и *qëlloj* ‘стрелять в цель’, ‘бывать, случаться’.

Для глагола *ndodh* словарь фиксирует в форме 3 л. ед. ч. также значение ‘происходить случайно’. Имеются два примера, показывающих, что субъектом при этом глаголе может являться только лицо, обозначенное дательным этическим. Речь идет о ситуации, когда два героя схватились в рукопашном бою, и долгое время ни один не мог одержать верх. Во время схватки они переместились с ровного луга на обрабатываемое поле и *Aty m'ndodhi 'i cung i zi* (6: 424) ‘Тут мне оказался черный пень’. Единственный субъект, который видит и воспринимает данный объект, это повествователь, т. е. он должен был лично присутствовать при описываемом событии. Аналогично также в (36: 106–107).

Некоторые выводы

Анализ употребления дательного этического в некоторых наиболее типичных частях эпического текста позволяет поставить вопрос, почему вообще вдруг появляется дательный этический и почему он появляется именно в этом, а не в другом месте повествования.

Дательный этический, помещенный в ткань эпического нарратива, оказывается в «непривычной» для него коммуникативной ситуации. Если в разговорной речи его поле деятельности – это ситуации полемики в широком смысле слова (несогласие, пренебрежение, осуждение, нежелание, запрет, разочарование, угроза) (Машовец 2000), то в эпосе он оживляет повествование о давно минувших событиях, придает объективность и достоверность описанию.

В эпическом повествовании дательный этический сохраняет свое категориальное значение – указать (назвать) некое лицо, не являющееся участником описываемой денотативной ситуации, но заявляющее о своей к ней причастности. Однако по сравнению с разговорной речью характер этой причастности здесь меняется: модальные значения, часто эмоционально негативно окрашенные, уступают место значению достоверности и объективности, повествование ведется в нейтральной тональности, часто с положительными оценочными значениями.

Албанский эпический *dativus ethicus* выступает маркером засвидетельствованности, с его помощью повествователь время от времени напоминает слушателю, что он был очевидцем описываемых событий («я это видел, наблюдал»). Такая функция дательного этического сближает его с прямыми эвиденциалами (говорящий был свидетелем события) и противопоставляет его косвенным эвиденциалам (говорящий не был свидетелем события), т. е. формам албанского инвертированного перфекта/(ад)миратива. Повествователь в эпосе выбирает одну из двух стратегий, – рассказывать о событиях прошлого как личный участник и наблюдатель или как известных ему понаслышке. Эти две стратегии в рамках одной песни плохо между собой согласуются. Если повествователь выбирает первый вариант, то он использует дательный этический (в некоторых песнях достаточно широко), снижая употребление форм эвиденциальности. При выборе второго варианта в песне используются формы (ад)миратива, но фактически отсутствует дательный этический. Характерно, что и первая стратегия повествования, и вторая маркирует одни и те же точки нарратива.

Литература

- Buchholz, O., Fiedler, W. 1987: *Albanische Grammatik*. Leipzig.
Civjan, T. V. 1984: [One aspect of possessiveness and ways of expressing it in the Balkan languages (dat.eth. and its transformations)]. In:

- Yazyk v etnokulturnom aspekte [Language in ethno-cultural aspect].* Moscow, 79–87.
- Цивьян, Т. В. 1984: Об одном аспекте посессивности и способах его выражения в балканских языках (dat. eth. и его трансформы). В сб.: *Язык в этнокультурном аспекте*. М., 79–87.
- Desnitskaya, A. V. 1986: [Towards the question of Albanian admirativ]. In: *Voprosy yazyka i literatury narodov Balkanskikh stran [Issues of language and literature of the peoples of the Balkan countries]*. Leningrad, 28–41.
- Десницкая А. В. 1986: К семантике албанского адмиратива. В сб.: *Вопросы языка и литературы народов балканских стран*. Л. С. 28–41.
- Ejntrej, G. I. 1982: *Albanskij yazyk [Albanian language]*. Leningrad.
- Эйнтрей, Г. И. 1982: *Албанский язык*. Л.
- Fjalor 1981: *Fjalor i gjuhës së sotme shqipe*. Prishtinë.
- Folklor shqiptar, II. *Epika legjendare*. Tiranë.
- Gramatika 1976 – *Fonetika dhe gramatika e gjuhës së sotme letrare shqipe*, II. Tiranë.
- Gramatika 2002 – *Fonetika dhe gramatika e gjuhës së sotme letrare shqipe*, II. Tiranë.
- Ivanova, Petrova 2014: [Clusterization of pronoun clitics in dative form: admissions and limitations in Bulgarian language (with Macedonian and Serbian parallel)]. In: *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoy konferencii [Typology of morphosyntactic parameters. Proceedings of the international conference]*. Moscow.
- Иванова, Петрова 2014: Кластеризация местоименных клитик в форме датива: допуски и ограничения в болгарском языке (с македонскими и сербскими параллелями). В сб.: *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции*. М. С. 59–76.
- Kustova, G. I. 2012: *Datelny padezh. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki [Dative case. Data for project of Corpus Studies of Russian grammar]* (<http://rusgram.ru>). Na pravakh rukopisi [manuscript]. Moscow.
- Кустова, Г. И. 2012: *Дательный падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики* (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М.
- Lambertz, M. 1955: *Lehrgang des Albanesischen*. Teil II. Berlin.
- Makartsev, M. M. 2014: *Evidentsialnost v prostranstve balkanskogo teksta [Evidentiality within the Balkan text space]*. Moscow.
- Макарцев, М. М. 2014: *Эвиденциальность в пространстве балканского текста*. М.
- Mashovets, E. N. 2000: *Konstrukcii s datelnym eticheskim v sovremennom russkom yazyke. [Constructions with ethical dative in the modern Russian language]*. PhD Thesis. Saratov.
- Машовец, Е. Н. 2000: *Конструкции с дательным этическим в современном русском языке*. Автореф. дис ... канд. филол. наук. Саратов.

- Mollica, F. 2014: Der Dativus ethicus im Deutschen aus konstruktions-grammatischer Sicht. *Zeitschrift für germanistische Linguistik* 42/3.
- Paducheva, E. V. 1996: *Semanticheskiye issledovaniya* [Semantic studies]. Moscow.
Падучева, Е. В. 1996: Семантические исследования. М.
- Sytov, A. P. 1976: [Aorist and perfect in the language of Albanian epos]. In: *Grammaticheskiy stroy balkanskikh yazykov* [Grammatical structure of the Balkan languages]. Leningrad, 215–225.
СЫТОВ, А. П. 1976: Аорист и перфект в языке североалбанского эпоса. В сб.: *Грамматический строй балканских языков*. Л., 215–225.
- Toshovich, B. 2006: [Expressive syntax of case forms]. In: *Zbornik matice srpske za slavistiku*, 69. Novi Sad.
Тошович, Б. 2006: Экспрессивный синтаксис падежных форм. В сб.: *Зборник матице српске за славистику*, 69. Нови Сад.

A. V. Zhugra. Dativus Ethicus in Albanian epic texts (some remarks)

The article considers the use of the ethical dative in the Albanian epic text. It identifies some of the most typical positions of its appearance in the epic narrative. The dat. eth. function is proposed to be considered as a marker of direct evidentiality as opposed to the function of indirect evidentiality inherent in the forms of the (ad)mirative.

Keywords: Albanian, epic, narrative, dativ, ethical, admirativ, evidentiality.